

мер, следует упомянуть ежегодный мониторинг общественного мнения, осуществляемый в Институте социологии с 1992 года, и научный сборник “Украинское общество”, который публикуется по результатам его анализа. Журнал “Социология: теория, методы, маркетинг” постоянно публикует концептуальные исследования как по фундаментальным вопросам, так и по назревшим вопросам дня нынешнего. Украинская социологическая наука предоставляет множество результатов, которые могут стать крайне полезными как для властных структур при составлении кардинальных планов общественных преобразований, так и для широкого общественного дискурса с целью более адекватного понимания общественных реалий.

Но, к сожалению, академическая наука остается преимущественно в рамках научных публикаций, предназначенных для специалистов, конференций ученых и редко выходит в общественное пространство. Поэтому “экспертами” по обществоведению нередко оказываются невежды, которые истолковывают социальные явления, исходя из собственного разума или эгоистических интересов и деформируя общественное мнение. В то же время отечественные социальные эксперты ощущают острый дефицит должных форм самоорганизации экспертного сообщества для активной публичной деятельности и отсутствие возможностей для публичных экспертных презентаций по актуальным вопросам реформирования страны. Поэтому мы надеемся, что экспертные обсуждения и круглые столы, материалы которых будут публиковаться в нашем журнале, станут эффективной формой презентации объективного социального знания по актуальным вопросам развития страны, и будут способствовать самоорганизации экспертного сообщества для активной публичной деятельности.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,
ВИКТОР СТЕПАНЕНКО

Круглый стол “Реформы в Украине: реальная практика и общественные ожидания”¹

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины, модератор круглого стола

Вступительное слово

Уважаемые коллеги! Мы начинаем серию экспертных круглых столов, организованных по совместной инициативе Института социологии НАН Украины, журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” и Фонда “Демократические инициативы” при финансовой поддержке Фонда “Відродження” в рамках проекта “Публичная социология как фактор развития гражданского общества в Украине”. Сегодняшний круглый стол посвящен реформам в Украине в измерениях реальной практики и общественных ожиданий от результатов реформирования.

Мы не случайно начинаем с обсуждения именно проблематики реформ, ведь эта тематика не только актуальная, но и, на мой взгляд, основополагающая, учитывая цель и содержание всего проекта касательно общественной роли и развития отечественной социологии и в целом социального экспертного знания. Одним из форматов презентации такого знания и являются экспертные обсуждения и дискуссии, в том числе в рамках экспертных круглых столов — этого и последующих.

Возвращаясь к теме нашего круглого стола, сразу же следует выяснить, что же означает понятие “реформа”. Во избежание любых отклонений в сторону отечественных особенностей, идеологических и смысловых наслоений в восприятии и по-

¹ Заседание круглого стола состоялось 13 декабря 2016 года.

нимании этого слова, возникших за довольно продолжительный, более чем двадцатилетний период вследствие активного и часто неадекватного, а то и манипулятивного употребления его в общественно-политическом дискурсе страны, я обратился к Оксфордскому словарю. “Реформа” означает здесь — *действие или процесс изменения/реформирования института или практики*. Данное определение очерчивает некоторые важные аспекты понимания понятия. Это — осознанно управляемое, неформальное, институциональное действие, направленное на изменение функционирования действующих институтов и практик, то есть на изменение институциональных “правил игры”. Следовательно, реформы не могут происходить сами по себе, путем медленной эволюции, это должно быть социально конструктивное осознанное действие, предполагающее политические решения, которые замысливаются и воплощаются определенными социальными акторами, как правило — властными структурами. Реформа — это не формальное (несмотря на созвучность этих понятий), а содержательное институциональное, или “системное” изменение (что, кстати, соответствует одному из лейтмотивов протестного движения 2013–2014 годов).

Вместе с тем — и здесь, полагаю, кроется парадокс и сложность реализации реформ — общественный эффект реформы не может быть мгновенным, особенно когда речь идет об институциональных практиках. Так, можно провозгласить изменение “правил игры” и даже сопроводить это решение определенными законодательными изменениями, но сама общественная практика, скажем, коррупция, не исчезнет от этого сразу, одновременно. Здесь следует говорить и о дилемме институциональных практик, их социальном воспроизводстве, инерции и т.п., а также о разрыве между декларативными заявлениями политических акторов и их реальным, практическим настроем и (не)решительностью в осуществлении деклараций.

Реформы, очевидно, можно рассматривать в двух измерениях: 1) в широком — когда речь идет о модернизационном реформировании всей страны и общественных отношений, изменении состояния продолжительной стагнационной “неподвижности государства” (термин Т.Кузью), формировании цивилизованных рыночных отношений, утверждении верховенства права и прочих аспектах общественной модернизации; 2) в узком значении, либо как секторальные реформы, направленные на смену практик определенных институтов — например, судебной системы, основ налогообложения, системы здравоохранения, социальной сферы и пенсионного обеспечения, системы образования и т.п. Особенностью отечественного контекста является то, что эти два уровня, или смысла реформ соприкасаются, ведь практически любая сфера отечественной общественной практики — от правовой, экономической, административной до образовательной и культурной — требует реформирования и модернизационного обновления. И потребности изменений в этих сферах взаимосвязаны. Так, модернизационные реформы в социальной сфере, системах образования и здравоохранения связаны с налоговой реформой и антикоррупционными мерами, эффективность последних зависит от судебной реформы и справедливой системы правосудия и т.д. То есть речь идет об актуальности реформ в обоих смыслах — как системного модернизационного обновления страны почти во всех сферах общественной жизнедеятельности и государственно-административного устройства.

Происходят ли в стране реформы, или по крайней мере качественные модернизационные сдвиги после “революции достоинства” 2013–2014 годов и смены власти в стране? Проще всего сказать “нет”, признать, что пока наблюдается лишь имитация реформ, что, разумеется, не приводит к качественным изменениям. Такая оценка доминирует и в общественном мнении страны. В уже почти трехлетнем ожидании позитивных результатов провозглашенных властью реформ в обществе постепенно растет разочарование и социальная апатия. Ресурс времени и возможностей для власти, чтобы доказать реальность провозглашенных перемен к лучшему, стремительно уменьшается. Неблагоприятным обстоятельством для политики реформ является, в частности, отсутствие доверия общества к властным и политическим ин-

ститутам, прежде всего к системе судопроизводства. И хотя общественный запрос на изменение, по крайней мере в форме неудовлетворенности существующим состоянием дел во многих сферах, прежде всего в социально-экономической, остается актуальным, уровень готовности к тому, чтобы терпеть определенные материальные трудности в ожидании успеха реформ не высок. По результатам нашего опроса 2016 года, лишь около трети респондентов в большей или меньшей мере готовы смириться с ухудшением условий своей жизни, тогда как почти 60% не согласны это терпеть. Причем такое соотношение по сравнению с предыдущим годом ухудшилось: по данным опроса 2015 года, готовность терпеть ухудшения в надежде на успех реформ продемонстрировали более 40%, тогда как не были готовы к этому около половины. Подобный социологический фактаж можно найти в подготовленных к этому круглому столу *информационных материалах*, прилагающихся в конце подборки.

Впрочем, сама по себе констатация очевидного факта, что желаемое реформирование страны происходит медленно, непоследовательно и часто декларативно, не составляет проблемы. Наша задача как экспертов (и я надеюсь, что этот круглый стол поможет ее выполнению) — обсудить и проанализировать широкий круг назревших вопросов: например, что создает препятствия для реформирования страны, как актуализировать общественный запрос на изменения, какой должна быть адекватная коммуникация между властью и обществом, каковы особенности и вызовы реформирования страны в сложных условиях вооруженного конфликта и кризиса мирового глобализационно-либерального порядка и др.

Экспертное знание, в отличие от обыденного, не может отрицать, что определенные шаги по реформированию страны все же предпринимаются. Следует упомянуть реформирование (а фактически восстановление) армии, начатую реформу полиции, которая ныне воплотилась в создании новой патрульной службы, некоторые позитивные сдвиги в использовании публичных финансов, в частности через систему “ProZorro”, внедрение е-декларирования для государственных чиновников и депутатов, создание Национального антикоррупционного бюро Украины, первые попытки судебной реформы и т.п.

Другое дело, что эти шаги в определенных сферах в основном остаются декларативными и, к сожалению, непоследовательными, поэтому говорить об их эффективности не приходится. К тому же это во многом вынужденные шаги власти в ответ на требования международных донорских институций ради внешней финансовой поддержки страны.

Но вернемся к особенностям обыденного и экспертного знания на примере проблемы коррупции. Как свидетельствуют исследования нашего коллеги В.Паниотто, в отличие от присущих обыденному сознанию алармистских представлений о якобы повышении уровня коррупции в стране, ее уровень в действительности если не уменьшается, то по крайней мере не повышается. Просто тема коррупции на самом деле стала все больше актуализироваться и осознаваться, в том числе в общественном мнении, в качестве реального препятствия реформированию страны. Кроме того, эта тема все заметнее присутствует и все активнее обсуждается в медийном пространстве страны.

И наконец, когда мы говорим о реформах в Украине, речь идет о необходимости разорвать тот заколдованный круг стагнационного развития страны, в котором сформировался некий консенсус между, с одной стороны, государственно-административной и политической элитой, которая, в большинстве своем представляя олигархически-бюрократические группировки, в течение 25 лет обещала не более чем косметические изменения системы “дикого капитализма”, одновременно постоянно, с каждыми выборами поднимая планку патерналистских ожиданий и надежд, а с другой — довольствоваться этими обещаниями, казалось бы, зная им цену. И в этом смысле наше общество не менее ответственно за неподвижность и закатность государства, нежели его правящий класс.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА, доктор философских наук, заведующий отдела методологии и методов социологии, заместитель директора Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”

Реформы, власть и публичная роль социологии

От реформ мы всегда ожидаем движения вперед, изменений к лучшему. Но украинский опыт реформирования общества заставляет задумываться об альтернативах. Однако есть ли альтернатива реформам в Украине? Приставка “*ре-*” в слове “реформы” может указывать не на движение вперед к новым социальным формам, а на возвращение к прошлому. Есть и аналогичные понятия “революция”, “реставрация”, “ренессанс” и т.д. Но если у революции есть вполне конструктивная альтернатива — эволюция, то альтернатива реформе может быть только такой, что ничего хорошего обществу не сулит — это *проформа*. И дело обстоит так: можно делать реальные реформы, а можно инициировать и стимулировать те или иные социальные изменения для *проформы*. Этим и занимался политический истеблишмент Украины многие годы. И это, собственно, является основной угрозой для Украины и сегодня. Когда власть только имитирует реформы, вся тяжесть последствий ложится на плечи рядовых граждан, что заканчивается массовой политической апатией или разрушительными волнами массового протеста.

Поэтому реформы неизбежны. Другой вопрос — были ли они в Украине? Я считаю, что попытки были. Это была приватизация 1990-х. Была реформа политической системы. Сначала — Конституция, потом — новая реформа, переход к парламентско-президентской форме правления. Но попытки эти, конечно, неудачные. О чем говорить. Самая неудачная экономика в мире: за 25 лет мы потеряли более четверти ВВП. Есть всего четыре страны в мире, которые вообще потеряли ВВП за последние 25 лет, но ни одна из них не потеряла столько, сколько Украина. Вот результат экономических реформ. Что касается политических реформ, то следует признать, что стабильной демократической системы в Украине нет. Нет и достаточно компетентной, некоррупцированной и независимой правоохранительной системы.

Почему так происходит? Потому что украинская власть устроена своеобразно. Она является сочетанием трех чудовищных “*кратосов*”. Вот есть российская автократия — там все предельно понятно. Что же у нас? У нас в основе политической и правовой системы — *плутократия*. Это власть людей, которые заработали или наворовали много денег и часть приобретенного конвертировали в политический капитал. Второй элемент системы власти в Украине — это *охлократия*. Когда плутократия перестает срабатывать, приходит охлократия. Охлократия — это система правления, которая, к сожалению, могла быть эффективна разве что в XVII веке. Сейчас она приводит к довольно тяжелым последствиям. И наконец — “*моментократия*”, когда сиюминутные решения руководителей государства превалируют над стратегическими, а мелкие и далеко не бескорыстные расчеты — над высокими целями. Об этом я и раньше писал применительно к предшественникам нынешней власти, но то же самое во многом свойственно и нынешней.

“Моментократия” постоянно ищет нишу между плутократией, которая ее держит, и охлократией, которая концентрированно выражает массовое недовольство. И “моментократы” постоянно пытаются маневрировать между ними. Иногда это у властей по чрезмерной жадности и глупости, как, например, у Януковича, не получается. Но чаще получалось. Получалось у Кравчука, долгое время получалось у Кучмы, отчасти даже у Ющенко получалось. Но всем им удавалось удерживать власть ценой деградации экономики, политической и правовой системы. И причина этой деградации заключается в феномене “реформы для проформы”, порожденном причудливым сочетанием непригодных форм правления.

Что же остается? Остается одно — только организованное гражданское давление на власть, в первых рядах которого должны быть мы, социологи и представители других областей общественности. Почему? Потому что, как бы мало мы ни знали об этом обществе, все равно мы знаем больше других — в силу нашего профессионального долга. Мы читали гораздо больше литературы, мы обязаны были думать, и мы должны вырабатывать свои критерии и стандарты действия в этих ситуациях. Поэтому как бы нам ни было трудно, мы должны обязательно выходить в публичное пространство. То есть речь идет о публичной роли социологии. Наша задача, в общем-то, совпадает с идеями Карла Маннгейма о роли вольных интеллектуалов: наша задача — показывать все ошибки власти, все возможные последствия имитации реформ и призывать граждан к тому, чтобы они избегали крайностей охлократии и искали легитимные пути ограничения властного произвола.

АНАТОЛИЙ ЕРМОЛЕНКО, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом социальной философии Института философии им. Г.С.Сковороды НАН Украины

Общественный дискурс как фактор реформирования украинского общества

Понятие реформы, реформирования едва ли не наиболее употребляемое в политическом лексиконе властимущих, mass media, общественных организаций и просто рядовых граждан. Слово “реформа” происходит от лат. *reformo* (“re-” i “form”), что дословно можно перевести как “смена формы”, то есть преобразование, изменение. Это понятие является одним из самых важных понятий социальных наук и означает преобразование социальных отношений, институций, норм и ценностей, которое в противовес революции коренным образом не изменяет фундаментальных основ общества. Особо проблема реформ актуализируется во времена трансформаций, перестройки общества. Здесь поджидают ловушки и опасности, которые отметил еще К.Маннгейм в книге “Общество в эпоху перестройки”, когда популизм в условиях демократии превращается в лифт, приводящий к власти иррациональные силы, что и случилось в свое время в Германии.

Для украинского общества вопрос реформ связан с вопросом его модернизации. Если считать советскую эпоху в определенной степени процессом демодернизации и рефеодализации, то модернизация концептуально означает 1) построение новейших институций в условиях, когда 2) развитые общества создают постмодерные институции и 3) эти преобразования происходят в условиях глобализации. Воспользовавшись концептом “модерна как незавершенного проекта”, который немецкий социолог Р.Мюнх ввел в оборот в противовес Хабермасовому “модерну как незавершенному проекту”, нашу модернизацию следует рассматривать, с одной стороны, как “догоняющую модернизацию”, с другой — как “опережающую модернизацию”. Соответственно нужно определять и содержание реформ, проводящихся в украинском обществе, как процесс модернизации.

Итак, главная проблема состоит не в том, нужны ли реформы, а в том, в *каких именно реформах нуждается общество* и какие именно реформы оно *должно* осуществлять. Возможно, от некоторых реформ лучше отказаться. Ведь реформирование под влиянием популизма нередко превращается в деформирование (в противовес реформам здесь уместно было бы слово “деформы”, которого, к сожалению, нет в русском языке). К тому же со сменами власти в нашей стране не только изменяется содержание реформ, но и (зачастую) даже их вектор. В свое время президент Украины Леонид Кучма заявил: “Скажите, что строить, я построю”. Это постсоветский синдром монологической ответственности власть предержащих, как будто общество можно построить подобно тому, “как повар готовит блюдо” (Ю.Хабермас). До сих пор остается в силе эта парадигма, ведь о предлагаемых правительством преоб-

разованиях гражданское общество в основном узнает последним, как говорится, “из газет”. В лучшем случае правительство информирует общество, и здесь за дело берутся так называемые политические технологи, хвастаясь тем, что для них общество — это объект. Такая вот социальная технология, или социальная инженерия, protagonistом и основателем которой был Ленин.

Впрочем, самое главное — это вопросы о том, кто должен определять, “что строить”, и как достичь в этом определении согласия. Ведь чтобы реформы были настоящими и эффективными, граждане должны быть не пассивными объектами, а активными субъектами этого процесса. Поэтому нужна не патерналистская ответственность, где решения принимают “вместо” участников общественных преобразований, а эгалитаристская ответственность, когда решения принимаются “вместе” с участниками проведения реформ. Это общая ответственность с четкими процедурами обсуждения и принятия решений по ключевым проблемам общества. Уже, пожалуй, стало банальным утверждение о роли гражданского общества, однако здесь нет иного пути, чем его развивать, поскольку оно и должно определять, какие именно реформы проводить, а от каких следует воздержаться.

Еще одну проблему составляет выяснение методологических оснований определения и проведения реформ. И здесь помимо западни популизма, почвой которого является фактичность “натуралистической лжи”, нас ожидает еще одна ловушка, опасность “идеалистической лжи”. Ведь, опираясь на фактичность, на то, что есть, вряд ли можно реформировать устаревшие социальные структуры. Примером будет служить обсуждение Конституционной реформы, когда можно было услышать, что из Конституции нужно изъять положение о том, что “Украина является социальным государством”, поскольку, якобы, это положение противоречит фактическим данным социологических исследований. Но, опираясь на фактичность, согласно такой логике нужно записать в Основном Законе в качестве норм и коррупцию, и воровство, и обман и т.п., поскольку они, к сожалению, уже стали фактической реальностью нашей общественной жизни.

Реформируя нормативную систему общества, следует иметь в виду, что социальные, правовые, моральные нормы имеют не только фактический, дескриптивный, но и (прежде всего) контрфактический, прескриптивный характер: “нормы не описывают, нормы приписывают”. И даже если нормы сформулированы в утвердительном виде: “Украина является...”, это утверждение прежде всего — нормативное требование. Однако если брать за основу только идеальное, реформы могут не восприниматься обществом, тогда едва ли можно их воплотить в жизнь. Поэтому в методологическом плане, когда речь идет об определении содержания и направления реформирования общества, нужно пройти между Сциллой реального (фактического) и Харибдой идеального (контрфактического).

Важным фактором и должен стать аргументативный дискурс в качестве составляющей делиберативной демократии, то есть демократии обсуждения, или совещательной, дискурсивной демократии. Это относительно новая форма демократии, являющаяся определенной реакцией на кризис представительской демократии в развитых странах мира, которую современный британский социолог И.Блюдорн назвал “симулятивной демократией”. Эта симулятивная демократия имеет место и в нашей стране, когда происходит множество обсуждений, ток-шоу в mass media, где тематизируется большое количество вопросов и проблем, но нет четких правил и процедур решения очерченных задач. Политический оппонент в этих обсуждениях преимущественно рассматривается не в терминах партнера в дискурсе, а в бинарных оппозициях “друг–враг”, являющихся основными определениями сферы политического у К.Шмита.

И даже достигнутое согласие в большинстве случаев предстает в виде “ложного”, или “симулятивного” консенсуса. Это может быть согласие, полученное средствами манипуляции сознанием и коммуникациями граждан, это может быть и за-

говор, то есть договоренность, направленная против третьей стороны, и т.п. В этом плане и нужен аргументативный дискурс как средство тестирования того, как именно достигнуто согласие: придерживаются ли участники дискурса установленных правил и процедур, соответствует ли это таким главным достижениям значимости, как а) понятность; б) правдивость; в) истинность; г) нормативная правильность¹.

В этом тестировании нужно отметить немалую, и даже особую роль интеллектуалов, в частности представителей социальных наук — теоретической социологии и социальной философии, которые должны выполнять функцию “социологического просвещения” (Н.Луман). В свою очередь, и философия должна не просто доносить до граждан мысль (хотя и эта задача крайне важна), просветляя их разум, а прежде всего быть “берегиной рациональности”, носителем “габитуса разума” (Хабермас), аргументативного дискурса по тем правилам и требованиям достижения значимости, о котором шла речь.

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины

Реформы: проблемы методологии исследования

Одной из основных причин современного кризисного состояния Украины является недостаток разработки проблем методологии исследования и понимания феномена реформ. Следует отметить, что существует значительное количество определений понятия “реформа”, которые могут не только отличаться друг от друга, но и противоречить друг другу. Данная ситуация не является сугубо деструктивной. Важно понимать, что эти понятия не только бытуют в рамках разных форм жизнедеятельности (политика, наука и т.д.), но и разрабатываются и формулируются в рамках разных наук (социологии, политологии, правоведения и т.д.) посредством разных категориальных средств и методов и с разными целями. Даже в рамках собственно науки можно выделить два типа определений понятия “реформа”, которые весьма условно можно обозначить как: а) формальные, описательные, количественные и б) качественные, сущностные. Различные определения не отрицают, а дополняют друг друга, необходимо понять их ограниченность и конкретно выполняемые ими функции.

Вероятно, для установления сущности и содержания реформ, выявления основных характеристик и признаков, установления функций необходимо построение системы категорий, отражающих определенные феномены, близкие или связанные с реформой. Например, реформа — изменение — трансформация — реформация — модернизация — демократизация — конфликт — революция и т.д. Чем больше категорий включается в подобного рода систему, тем больше ее познавательный потенциал.

Подобного рода структуру можно выстроить конкретно и относительно самой реформы. Как представляется, в наиболее простом и общем виде можно выделить три основных момента в понимании реформы.

Во-первых, *понимание реформы как цели*, наиболее абстрактной наряду с совокупностью конкретных. Данный элемент реформы (цель) может “разворачиваться”, конкретизироваться посредством других категорий: причины реформ, их условий, идеалов, задач — стратегических, тактических и т.д. Деструктивным аспектом такого понимания реформы может стать превращение реформы-цели — как организующего принципа — в политический лозунг и фетиш, некий миф и догму, приобретающие сакральный или мистический характер своего рода новой религии, от которой ждут чуда или священного творения.

¹ Бьолер Д. Відповідальність за майбутнє з глобальної перспективи / Переклад з німецької, післямова, примітки Анатолія Єрмоленка. — Київ: Стило, 2014. — С. 62.

Во-вторых, *понимание реформы как действия (или совокупности действий)*. Такой подход к реформам, к их исследованию развивается преимущественно в рамках конфликтного функционализма при недооценке значимости парадигмы диалектической теории конфликта (структурализма) и тем более классового анализа. С этой точки зрения исследуются в основном функции реформ, механизм их развития и протекания, но в тени остаются реальные и конкретные движущие силы реформ, мотивы их действия, цели и задачи, расстановка социально-классовых сил и их соотношение, средства и методы мобилизации и организации. В рамках такого подхода реформа может восприниматься лишь как отдельный акт (политический, правовой, экономический и т.д.) или событие, а не процесс. При этом игнорируется системность реформы или реформ, их взаимозависимость и взаимообусловленность. Конкретно, в современном украинском обществе теряется взаимосвязь реформ со средним классом, демократией и гражданским обществом, в то время как именно средний класс должен быть основной движущей силой проводимых реформ, базой и гарантом демократии. К сожалению, в настоящий момент он не имеет своих организаций, партий, идеологии, представляя из себя лишь “класс в себе” или “квази-группу”.

В-третьих, *понимание реформы как некоего результата-изменения*, нового состояния общества, отличающегося от предшествующего состояния новыми качественными или количественными параметрами. При таком подходе реформы могут пониматься и провозглашаться как простое изменение количественно измеряемых характеристик (увеличение или уменьшение): цен, заработной платы, уровня безработицы, числа пенсионеров, милиционеров и т.д. Теряется восприятие реформ как “революции сверху”, обнаруживающее значимость таких изменений в процессе реформ, как качественные перемены во власти или смену самой власти, включая смену существующего политического режима, изменение социальной структуры общества, экономических отношений как условий существования классов и иных социальных групп. В современной Украине реформы, в первую очередь, должны создать конкретные условия для возникновения качественно нового среднего класса постиндустриальной эпохи.

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Камо грядеши, Украина, в XXI веке?

Со времени провозглашения независимости и начала экономических реформ в Украине прошло 25 лет. Люди труда связывали с рыночными трансформациями надежды на лучшее будущее. Эти ожидания всячески “подогревались” СМИ, западными “транзитологическими” институтами и новоявленной отечественной политической “элитой”. Последняя не скупилась на обещания построить общество без “...измов”, в котором всем будет житься вольготно и хорошо. Поскольку Украина была одной из самых богатых советских республик и располагала огромным промышленным и аграрным потенциалом, высококвалифицированными трудовыми, научными и культурными ресурсами и кадрами, решение этой задачи не вызывало сомнений.

Для прикрытия подлинной сущности грядущей “народной приватизации”, которая якобы всех сделает собственниками и проложит дорогу “украинскому экономическому чуду”, власть имущие способствовали насаждению рыночного романтизма и политической эйфории в украинском обществе. Но на исходе XX века большинство населения с лихвой убедилось в том, что все это было элементарной риторикой, прокладывающей будущим олигархам путь к власти и богатству. В то же время “новые хозяева жизни” в Украине, выражаясь словами Макса Вебера, богатели, чтобы идти во власть, и шли во власть, чтобы богатеть.

В результате Украина была вытеснена на обочину мирового развития и превратилась в “больного человека” Европы. На этом мрачном фоне стремление властей поправить дела Украины за счет интеграции в Евросоюз, в котором она никому не нужна и которую никто туда не собирается принимать, потерпело провал. В связи с этим возникает традиционный вопрос: “Что делать?” Чтобы ответить на него, необходимо, прежде всего, поставить социальный диагноз государству Украина, а затем — начать искать адекватное лекарство для “больного человека” Европы,

Как известно, любое государство существует до тех пор, пока обладает способностью к воспроизводству своего суверенитета. В этом контексте уместно проанализировать состояние элементов самовоспроизводства нашего государства как системы сквозь призму характеристик его качественной определенности в соответствии с подходом, изложенным в монографии Р.Н.Долныковой “Методология и методика прогнозирования внешней политики несоциалистических государств” (М.: Наука, 1986). К упомянутым выше элементам она относит: 1) целостность территории, 2) воспроизводство населения, 3) воспроизводство экономики, 4) выживание национальной культуры и 5) воспроизводство социальной структуры.

Исходя из того, что система — это особая организация специализированных элементов, объединенных в единое целое для решения конкретной задачи, главной целью государства как системы является сохранение способности к воспроизводству государственного суверенитета. Государство может успешно выполнять эту функцию, если составляющие его элементы служат его надежными территориальными, демографическими, экономическими, культурными и социально-структурными опорами. Даже частичное разрушение одной из этих опор увеличивает нагрузку на другие элементы системы и приводит их к преждевременному износу, что может вызвать деградацию и развал всей системы. С этой точки зрения, Украина, по моему мнению, с каждым днем все ближе подходит к роковой черте.

Для подтверждения этого предположения целесообразно исследовать состояние всех элементов, образующих государство Украина. Следуя материалистической традиции, уместно начать изучение данной проблемы с анализа экономического потенциала нашей страны. После “прихватизации” общенародного достояния ни эффективного собственника, ни эффективного производства в стране не появилось. Вместо “экономического чуда” приватизация привела к деиндустриализации экономики, и Украина вышла на *первое место в мире по сокращению экономического потенциала*, измеряемого размером совокупного общественного продукта.

В 2015 году реальный ВВП в Украине составил всего 65% ВВП УССР накануне разрушения СССР. По данным Всемирного банка, это наихудший результат в мире за последние 25 лет. Из 166 стран, которые обнародовали статистику ВВП за 1991–2014, этот показатель снизился только в 5 странах. Первенство в экономическом мортирологе мира принадлежит ВВП Украины, который уменьшился на 35%. В этом отношении наша страна опередила Молдову (–29%), Грузию (–15,4%), Зимбабве (–2,3%) и Центрально-Африканскую Республику (–0,94%). ВВП во всех остальных странах за этот период вырос. Например, в Китае — в десять раз, не смотря на то, что в КНР государственный сектор экономики составляет 60%, а частный — только 34%. Катастрофическое сокращение ВВП повлекло обострение демографического кризиса. С переводом экономики на рыночные рельсы впервые после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Украине начала снижаться средняя продолжительность жизни, а смертность стала превышать рождаемость. В результате этого население Украины сократилось с 51,9 млн на начало 1991-го до 42,8 млн по состоянию на 1 января 2016-го, то есть на 9,1 млн чел.

Следующий элемент относится к выживанию национальной культуры. Последняя не сводится к “шароварной” интерпретации ее содержания, ибо охватывает все основные аспекты материальной и духовной жизнедеятельности общества. Развитие культуры зависит от знаний, умений, навыков, уровня интеллектуального, нравст-

венного и эстетического развития, мировоззренческих позиций членов общества. Поэтому в формировании культуры участвуют как культурологические, так и научные, образовательные и другие институты, выполняющие функцию сохранения и передачи социальной информации с целью сохранения исторической памяти. В противном случае народ превращается в Иванов, не помнящих родства, которыми легко манипулировать в интересах власть имущих и их зарубежных наставников и хозяев.

К сожалению, американизация и вестернизация украинской национальной культуры под прикрытием стремления к “ценностям цивилизованного мира” не привели к обогащению ее содержания и формы, а сыграли обратную роль в этом процессе. Внедрение западных моделей в среднюю школу перечеркнуло лучшие достижения отечественной педагогики, навязывание Болонской системы неуклонно ведет к развалу высшей школы. В этих условиях говорить о перспективах украинской науки, которая на протяжении 25 лет финансируется по остаточному принципу, не приходится. Культурная экспансия Запада усугубляет инновационный дефолт Украины, ведет к “утечке мозговых сливок” и исключает инновационный вариант ее развития.

Воспроизводство населения, экономики и культуры зависит от воспроизводства социальных структур, от социальных отношений в обществе. В свою очередь, устойчивость социальных отношений оказывает определяющее влияние на устойчивое социально-экономическое развитие, которое должно быть направлено на улучшение качества жизни людей: на укрепление здоровья, повышение продолжительности жизни, обеспечение возможностей для получения необходимого образования, гарантий свобод и прав человека. В этом контексте особый интерес представляет анализ соотношения предельно-критических и реальных показателей развития нашего общества.

Одним из основных индикаторов в этой сфере является соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан. Предельно-критическое значение названного индикатора в мировой практике равняется 10 : 1. Превышение этого показателя создает угрозу опасных социально-политических и экономических последствий, ведущих к антагонизации социальной структуры. В Украине это соотношение (по данным 2008 года) составило 40:1, то есть было в 4 раза больше предельного норматива! Предельно-критическое значение доли населения страны, живущего за чертой бедности, согласно мировой практике, не должно превышать 10%. В Украине за чертой бедности, которая, по стандартам ООН, определяется на уровне 5 долл. в день, находится более 80% населения, что ведет к люмпенизации народа.

Не менее серьезную тревогу вызывает превышение предельно-критических значений соотношения минимальной и средней зарплаты, что ведет к деградации и пауперизации наемной рабочей силы, а также высокий уровень безработицы, ведущий к росту социально обездоленных категорий населения. В то же время имущественная дифференциация населения Украины в итоге приватизации государства олигархическими кланами выглядит глумлением над собственным народом с их стороны. Только так можно расценить тот факт, что в условиях массового обнищания людей труда Украина заняла 1-е место в мире по количеству миллиардеров на 100 млрд долл. ВВП, опередив Швейцарию — почти в два раза, США, Бразилию, Индию — более чем в два раза, Великобританию — более чем в три раза.

Одновременный развал четырех несущих опор (элементов) государства неуклонно ведет Украину к утрате способности к воспроизводству своего государственного суверенитета, ставит ее на грань банкротства с перспективой превращения в “несостоявшееся государство”. В наши дни она стремительно теряет возможность обеспечивать территориальную целостность страны средствами административной, внешней и военной политики. Это означает угрозу развала Украины на ряд “суверенных” осколков с последующим поглощением их соседними странами. Первым звонком в этом отношении служит передача Румынии, согласно решению Международного суда ООН, 90% перспективного нефтегазового месторождения в 40 км к

югу от о. Змеиный. На этом участке Черноморского шельфа, по оценкам экспертов, сосредоточены колоссальные природные богатства — 12 млн тонн нефти и 70 млрд кубометров газа, принадлежавшие Украине. Вторым звонком в том же плане стала утрата Украиной Автономной Республики Крым... Не исключается, что военное противостояние на Донбассе может привести к выходу ДНР и ЛНР из состава Украины.

В этом контексте украинское общество должно не только осознать опасность грозящей ему катастрофы, но и незамедлительно предпринять все меры к сохранению территориальной целостности нашего Отечества и восстановлению способности Украины к воспроизводству государственного суверенитета. В противном случае нас ожидает катастрофическое будущее с непредсказуемыми последствиями вплоть до возможного устранения Украины с политической карты мира в XXI веке.

ИГОРЬ МАРТИНЮК, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

“Мы проснулись в новой стране, но не в новом обществе”

Думаю, что не только в Украине, но и во всем мире типичная реакция на действия властей — это сетовать по поводу этих действий. И повсюду граждане что-то предпринимают, когда во власти что-то не так. Но когда начинаешь это делать в Украине, то, по-видимому, нужно одергивать себя — действительно ли властные структуры не хотят перемен? Наверное, у них объективно нет для этого возможностей. Давайте вспомним то чудесное августовское утро 1991 года, когда мы проснулись в новой стране, но отнюдь не в новом обществе. Что мы получили в наследство? Разорванную в связях экономику, производство мощного военно-промышленного комплекса, который оказался вдруг никому не нужен. Компартийную элиту, доставшуюся нам вместе со всем наследием. Разобщенную и раздробленную в своих политических взглядах интеллигентную оппозицию, которая умела хорошо критиковать, но, к сожалению, не умела организовать ничего конструктивного. И этот перечень унаследованных проблем можно было бы продолжить. И если рассматривать ситуацию с точки зрения исторических масштабов, то есть ли сдвиги? Да, безусловно. Я бы сказал, что по этим мерилам мы заметно отделились от того общества, которое имели четверть века назад.

Но разве это самое большее, чего можно было достичь? Конечно, нет. Можно было бы построить и лучшие идеальные модели. Но идеальные модели существуют лишь в идеальном виде. Мы имеем то, что имеем, выражаясь словами современного политического деятеля, и не просто потому, что этого нельзя было избежать, а потому, что это результаты наших собственных не-усилий. Главная проблема, которую я вижу, заключается в том, что реформы тормозятся даже не в лабиринтах властных коридоров, а в общественном сознании. По библейской легенде, Моисей 40 лет водил после Египетского плена по пустыне своих соотечественников, пока вымерли те, кто был рабом. Слишком велика, особенно в старшей возрастной группе, доля тех, кто не воспринимает реалий и не адаптируется к современным условиям. Это то, я бы сказал, бремя, которое лежит на плечах общества. И дело не в том, что этими людьми следует пренебречь, рассматривая как балласт. Эпицентр их жизни пришелся на советскую эпоху, со всеми ее негативами и позитивами, а сейчас все, что у них осталось, — это скорее воспоминания, ностальгия по уверенности в будущем, вере в то, что живем в самом лучшем обществе. Идеализация социализма — это, безусловно, самообман, мираж утраченного “золотого века”. Но в структуре общества те, кто живет в свете этого миража, кто не может или не хочет адаптироваться к изменениям, составляют ощутимый сегмент. Вместе с тем от традиций никуда не деться, и то, что более поздние, постсоветские поколения в значительной мере наследуют и социальную память, и привычки, и традиции, не вызывает сомнений. Поэтому менять что-то нужно в этой плоскости — постепенно, упорно, не рассчитывая на немед-

ленный результат. Как метко выразился герой известного литературного произведения, “разруха в головах”.

Чего мы хотим от тех самых властных элит? Они такие, какие есть, не потому, что люди, которые в них входят, плохие или хорошие, а потому, что их сформировала нынешняя реальность. Так что если уровень коррумпированности в обществе достигает того, что, по данным мониторинга Института социологии за 2016 год, в течение года 48% опрошенных тем или иным образом принимали участие в коррупционных действиях, то сетовать нужно не по поводу взяточников, а прежде всего из-за сплошной коррумпированности общества. Власть, полагаю, коррумпирована больше всего. Но у постыдной “медали” взяточничества есть две стороны — дающий и берущий взятки. Если в массовом сознании зафиксируется, что они в равной мере виновны, то, возможно, что-то и изменится. Иначе меры по борьбе с коррупцией, которая в наших реалиях являет собой весьма эффективную — с прагматической точки зрения — стратегию достижения желаемых результатов, будут напоминать попытку Мюнхгаузена вытащить себя за волосы из болота. Такие попытки обречены. И дело не в хороших или плохих властях предрержащих, не в “сильной руке”, которую, опять же по данным многолетних мониторинговых исследований, две трети населения хотели бы у нас видеть. Дело, в конечном счете, в нас самих. И я думаю, что самый лучший путь, который могла бы выбрать власть в этом вопросе — это постепенные реформы. Этим путем идет Китай, где правящая элита понемногу выпускает власть приказную, тоталитарную из рук и вместо этого вводит элементы изменений. Мы же хотим все и сразу. Этого никогда нигде не было и не будет. Разве что — из-под палки, но упаси нас Бог от группы фанатиков при власти, какую бы идею они ни исповедовали — социалистическую, национальную, государственническую, клерикальную. В любом случае тогда уже не щепки полетят, а лес исчезнет. То есть наш народ. А это я считаю худшим злом даже по сравнению с тем болотом псевдодемократии, в котором мы оказались в политической сфере.

На мой взгляд, наш путь — это путь постепенных изменений, и задача науки — определить этапы и очередность того, что нужно и можно сделать в конкретных условиях украинских реалий. Именно так, считаю, следует отвечать на риторический вопрос Евгения Головахи о роли науки и ученых в разработке и выполнении инновационной стратегии общества. Это путь реализации тех реформ, которые сегодня возможны. Как известно, дипломатия — это искусство выделения достижимого из недостижимого. Мы должны в этом плане быть дипломатами и советовать тому же правительству и тем же социальным институтам делать то, что они могут сделать, в частности, учитывая инерцию общественного мышления и инерцию общественной психологии. Ведь любая реформа забуксует, если она не подготовлена. Поэтому мы должны образовывать собой тот пласт, ту почву, на которой возникнет поистине реальный фундамент нового общества. Этот процесс не быстрый, и не стоит тешиться иллюзией, что ситуацию можно кардинально изменить за несколько лет. К сожалению, вижу, что возраста одно поколение для этого не хватит. Но надеюсь, что хватит следующему.

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины

Институциональная необходимость судебной реформы

В условиях жесткого дефицита бюджетных ресурсов вообще и потребности в проведении целого ряда реформ в разных сферах общественной жизни в частности с необходимостью встает задача определения первоочередных реформ. Именно к таковым, по моему мнению, относится судебная реформа, исходя из ряда обстоятельств.

Социально-политический аргумент заключается в необходимости повышения уровня доверия населения к институтам государственного управления. Одним из возможных способов достичь роста доверия может стать реальное, а не декларативное построение правового государства, неотъемлемой чертой которого является прозрачная судебная система по принципу: преступники должны понести неотвратимое наказание, а свободы невиновных должны быть защищены. Универсальность правового поля состоит в том, что в его рамках комфортно чувствуют себя не только рядовые граждане, но и парламентарии, которые держатся за депутатскую неприкосновенность как за превентивное средство от преследования политическими оппонентами при власти. Да и депутатская неприкосновенность также не должна препятствовать осуждению тех парламентариев, которые совершили противоправные действия. Выполнение судебной реформы должно также воплотить в жизнь принцип “перед законом все равны”, независимо от финансовых возможностей субъектов судебных дел. Реализация последнего принципа, опять же, позволит существенно повысить уровень доверия наших граждан к представителям власти, которые ныне нередко “решают” в свою пользу судебные дела (в качестве примера можно привести многочисленные дела в отношении “мажоров”, совершивших ДТП с человеческими жертвами). Дополнительным социально-политическим аргументом является также требование Европейского Союза необратимой и последовательной минимизации всеохватывающей коррупции в Украине, чего невозможно достичь без осуществления судебной реформы.

Экономический аргумент сводится к необходимости создания безопасного, а значит правового климата как для отечественных, так и для зарубежных инвесторов. Известно, что ныне рейдерские захваты, доведение до банкротства экономически успешных предприятий (с единственной целью дальнейшего получения дохода для новых собственников) и т.п. часто не получают адекватной правовой оценки и не заканчиваются вынесением соответствующих судебных решений. Здесь особо следует напомнить о ряде частных банков, ныне банкротов, владельцы которых, заботясь лишь о собственном благополучии, через суды пытаются возобновить их деятельность. Реализация полноценной судебной реформы, прежде всего непредвзятого судопроизводства, призвана минимизировать масштабы коррумпированности государственных служащих, распространности экономических преступлений и т.п.

Механизм реализации предполагает как создание новых институциональных органов, так и применение возможных способов непосредственной имплементации основных принципов реформы в судебную практику, что имеет конечной целью утверждение верховенства права и неуклонного соблюдения закона.

В новейшее время, в значительной мере под внешним давлением, в нашей стране созданы новые государственные органы по борьбе с коррупцией, такие как Национальное антикоррупционное бюро Украины (НАБУ), Специализированная антикоррупционная прокуратура (САП). Однако конечные результаты антикоррупционной кампании поставлены в зависимость от все еще нереформированных судов и от судей, решения которых чаще всего оказываются ангажированными. В итоге эффективность деятельности вышеупомянутых государственных органов фактически сводится на нет.

Поэтому необходимым элементом проведения судебной реформы должна стать полноценная система независимых антикоррупционных судов, а не только Высшего антикоррупционного суда, как это предусмотрено Законом Украины “О судостроительстве и статусе судей”. Этим судам надлежит рассматривать антикоррупционные дела по сути, давать согласие на проведение соответствующих следственных действий по ходатайству НАБУ и САП. Автономия системы независимых антикоррупционных судов должна быть четко определена и законодательно закреплена, а их финансирование обеспечено защищенной статьей государственного бюджета. Понимая реальную угрозу для жизни таких судей и их семей со стороны субъектов

коррупционных действий, государство должно гарантировать им надежную защиту и даже специальную охрану.

С другой стороны, создание таких специализированных судов позволит существенно сократить потребность в общем количестве судей, которые прошли люстрацию и по своим моральным и профессиональным качествам могут вершить справедливое правосудие. Этот аргумент весьма актуален, учитывая невозможность пополнения судов различных инстанций практически по всей стране новыми судьями. Как свидетельствует набор в патрульную полицию, тотальная замена прежних специалистов на новых, без должной профессиональной подготовки крайне опасна для сохранения общего профессионального уровня служащих.

Поскольку осуществление непредвзятого правосудия, по сути, тормозится отсутствием воли со стороны властных структур, важнейшую роль в проведении судебной реформы играет общественный контроль и непосредственное участие лидеров общественного мнения, правозащитных общественных организаций в процессе очищения и обновления судебной власти. Разнообразные формы общественного участия вносят нормативный вклад в легитимацию политики и реализацию решений. Возможными формами привлечения общественности к реализации судебной реформы должны стать публичные общественные обсуждения, включая электронные консультации с общественностью; использование положений Закона Украины «О доступе к публичной информации»; Общественный совет при Министерстве юстиции Украины по вопросам люстрации. Усилия общественности должны сосредоточиться на контроле за деятельностью судей и возможностью их отстранения от занимаемых должностей на основании нарушения ими действующего законодательства. Судейский корпус не должен быть кастой неприкасаемых, поскольку является элементом государственной власти и содержится на средства налогоплательщиков.

И в завершение о месте научного сообщества, включая социологов. Успешное осуществление судебной реформы требует активного сотрудничества ученых, их участия прежде всего в организованных формах общественной активности и присутствия в медийном пространстве. В качестве примера можно привести деятельность сети общественных эколого-правовых организаций «ЭкоПраво» в предоставлении эколого-правовых консультаций, содействии доступу рядовых граждан к справедливому правосудию, совершенствовании экологического законодательства при непосредственном участии как юристов-практиков, так и ученых. С эпистемологической точки зрения, погружение социолога в конкретную ситуацию и понимание того, как разные участники социального процесса ее воспринимают и интерпретируют в соответствии со своими взглядами и ценностями, отвечает методу соучастного исследования.

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА, доктор социологических наук, заведующая отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины

О реалиях и общественных ожиданиях от реформ в Украине

О сути, видах и алгоритмах реализации реформ. Полностью разделяю тезис, высказанный модератором нашего круглого стола, о понимании реформ как управляемого, сознательного процесса изменений институциональных «правил игры», осуществляемого, как правило, властными структурами. Отличие реформаторских изменений от революционных состоит в скорости, масштабности и глубине преобразований. Если реформы нацелены на улучшение отдельных социальных порядков в рамках существующего общественного строя, то революционные изменения — на кардинальную смену социального порядка. Поэтому смысловая нагрузка понятия «коренные изменения» касается собственно не реформ, а революционных по сути преобразований институционального устройства общества. Под этим углом зрения, «рыночные реформы» 90-х годов прошлого века, сутью которых стали процессы все-

охватывающей приватизации, были контрреволюционными изменениями социалистического строя, а требования коренных изменений во время так называемой революции достоинства все еще остаются лозунгами.

В то же время я бы осторожнее обращалась и с понятием “модернизационного реформирования”. Использование многозначного термина “модернизация” в качестве даны модному тренду не способствует более четкому пониманию ни сути, ни алгоритма реформирования. В контексте широкого измерения реформ уместнее говорить о реформировании всей системы общественных отношений. Полностью разделяю также тезис о целесообразности выделения — в зависимости от предметной сферы институциональных изменений — реформ системы социальных отношений в целом и секторальных реформ в частности. Эти два измерения реформ, действительно, взаимосвязаны и оба требуют системного подхода.

Относительно механизма реализации реформ. Никакого парадокса в нем нет. Общественный эффект реформ, на самом деле, не всегда может быть мгновенным, особенно когда речь идет о сложных для реформирования объектах и инертности неформальных институциональных практик, укорененности социокультурных норм поведения людей. Разрыв между декларативными заявлениями политических акторов и реальными результатами их реформаторских действий свидетельствует не столько о сложности реализации реформ (чего ни в коем случае нельзя преуменьшать), сколько об отсутствии необходимой для их осуществления политической воли, заинтересованности и ответственности за достижение определенных целей, да и в целом о несоблюдении главных правил эффективного реформирования.

Независимо от уровня детализации различными исследователями условий успешного реформирования, его главные составляющие таковы. Прежде всего, тщательно разработанная концепция реформ как институциональных изменений, соответствующих насущным потребностям развития общества, а также определение конечной и промежуточной целей, конкретных этапов и способов осуществления преобразований. На всех этапах реализации реформы должны вести к эволюции, а не инволюции, способствовать социально-экономическому развитию страны, повышению качества и уровня жизни людей. И хотя реформы идут, как правило, “сверху”, для своего успеха они должны встречать понимание и отклик в широких массах, соответствовать ожиданиям граждан. Только на фоне доверия к реформам и реформаторам возможна массовая поддержка реформ. Кроме того, исторически выверенной организационной предпосылкой успешного реформирования является обеспечение государственного и общественного порядка. Это прекрасно понимал еще сто лет назад П. Столыпин, который считал необходимым сначала наведение порядка в государстве, а потом уже проведение реформ. Этого правила мудро придерживался и Ден Сяопин (когда ему предложили начать с демократических реформ, он сказал: “Нет! Реформы потом! Давайте сначала наведем элементарный порядок в экономике”). Пожалуй, ни одна реформа за всю новейшую историю Украины не осуществлялась с учетом этих базовых для успешного реформирования предпосылок.

И хотя этот аспект уже затрагивался в нашем обсуждении, отмечу кое-что относительно восприятия реформ в нашем обществе. Вместо тщательного анализа ситуации, сложившейся в Украине после распада Союза, и вместо разработки собственной национальной, не по названию, а по сути, программы реформ, украинские “реформаторы” начали бездумно внедрять заимствованные у МВФ “универсальные” монетаристские рецепты, которые отнюдь не способствовали экономическому росту и повышению качества и уровня жизни людей. По сути, под лозунгом рыночных реформ произошло массовое ограбление народа.

Как признал экс-президент Украины Л. Кучма, результатом рыночных реформ в Украине стали “ускоренное разбалансирование и частичный развал народного хозяйства”, контрасты в материальном положении разных слоев населения, превыша-

ющие порог социальной стабильности¹. Наши реформаторы исходили из формулы: сначала реформы, потом решение социальных задач, что равнозначно реформированию за счет депривации широких масс населения. Мировой опыт успешного реформирования, проведенного, например, немецким канцлером Л.Эрхардом в 1960-е годы или президентом США Ф.Рузвельтом в 1930–1940-е, демонстрирует противоположный подход. Так, среди основных идей “нового курса” Ф.Рузвельта наряду с государственным регулированием, борьбой с экономической преступностью, ограничением деятельности монополий следует назвать задачу преодоления бедности.

Сегодня практически ни у кого из отечественных и зарубежных аналитиков нет сомнений в провальном характере радикальных экономических реформ, непродуктивности и социальной деструктивности приватизации как их центрального звена. Сами реформаторы стали называть созданное в результате общество “диким” и “олигархическим” капитализмом с высоким уровнем криминализации и коррупции. В стране между ее “(олигархическими) властителями” развернулась и продолжается настоящая битва за ресурсы, в том числе за землю. При этом широкие массы простых людей оказались абсолютно отчужденными и от власти, и от реформ, которые эта власть проводит. Граждан просто ставили перед фактом приватизации крупнейших, стратегически важных для страны объектов, проведения иных преобразований (например, распределения жилищно-коммунального хозяйства между отдельными частными структурами с дальнейшим многократным увеличением платы со стороны населения за коммунальные услуги без улучшения качества этих услуг и вообще без объективного обоснования необходимости такого подорожания), не оставляя ни малейшей возможности повлиять на эти процессы. Подавляющее большинство населения было лишено не только социального обеспечения, но и права на достойную работу. Государство воплотилось в коррумпированной власти, которая служит олигархам и безразлична к правам и насущным потребностям человека. Настроения людей стали меняться от рыночной эйфории к массовому разочарованию и нарастанию глубокой неудовлетворенности существующей системой.

По данным всеукраинского опроса 2012 года, проведенного Центром социальных и маркетинговых исследований SOCIS ($N=3200$), самые большие доли населения считают, что экономические реформы в Украине осуществляются в первую очередь в интересах представителей власти и отечественных олигархов (40% и 38% соответственно) и очень мало (9%) — что в интересах большинства населения. После 20 лет коренных изменений и радикальной перестройки системы социальных отношений большинство наших сограждан (73%), по данным опроса 2013 года, считали построенное общество несправедливым. По мнению более половины населения, Украине не удалось стать ни демократическим, ни правовым, ни социальным государством (51%, 65% и 60% соответственно). А негативные последствия в восприятии граждан, к сожалению, абсолютно преобладали над любыми позитивными результатами рыночных реформ². Но и после “революции достоинства”, летом 2016 года, на фоне новых реформ новой власти очень немногие украинские граждане счи-

1 Кучма Л. Украина — не Россия. — Москва, 2003. — С. 167, 179.

2 Среди позитивов 20-летнего реформирования, по данным опроса 2011 года, люди отмечали разнообразие товаров широкого потребления, возможности проявления предпринимательской инициативы и возможности для отдыха и туризма, что при всей их важности не образует критического набора важнейших показателей развития общества. Более половины населения отметили негативное влияние рыночных реформ на уровень жизни и возможности трудоустройства. Значительное количество наших граждан считают, что эти преобразования негативно отразились на ряде существенных аспектов социально-экономической жизни общества (речь идет об экономике, социальном обеспечении, равенстве жизненных возможностей людей и др.) [Петрушина, 2011: с. 275].

тали, что такие определяющие основания функционирования государства, как равенство всех граждан перед законом, справедливость, контроль законодательной и исполнительной власти со стороны общества и должный уровень жизни граждан, достаточно обеспечены в Украине (соответственно: 5%, 3%, 4% и 2%). Подавляющее большинство опрошенных указали противоположное (соответственно: 89%, 88%, 83% и 94%).

Недовольство системой бюрократически-олигархического капитализма, в которой определяющую роль играют олигархи и коррумпированные субъекты власти, реализующие свои корыстные частные интересы в ущерб общенациональным интересам, стало одним из главных мотивов протестной активности украинских граждан на Майдане в 2013–2014 годах. К сожалению, история повторяется, и большинство наших соотечественников по истечении двух лет после событий на Майдане (по данным мониторинга 2016 года) чувствуют себя в “проигрыше” от смены власти в 2014 году (56%). Сегодня всего 2% населения считают нынешнюю власть “хорошей командой политиков, ведущей страну правильным курсом”. Большинство (59%) оценивает людей, находящихся сейчас при власти, как заботящихся исключительно о собственном материальном благополучии и карьере.

Не случайно, отвечая на вопрос, что мешает власти сегодня реализовывать реформы, наши сограждане подчеркивают, прежде всего, такие аспекты, как коррупция (59%) и нежелание олигархов отказываться от сверхприбылей (60%), а также нежелание политических элит менять систему (47%). В отличие от власти, рядовые граждане не списывают наши проблемы и “провалы” в экономике на военное противостояние на Востоке страны. Лишь каждый пятый респондент (18%) указал на ситуацию на Востоке как на фактор, препятствующий властям реализовывать реформы.

Как уже отмечали мои коллеги, подавляющее большинство населения (59%) не согласно дальше терпеть снижение уровня жизни, к которому привело осуществление реформ; готовы терпеть это недолго менее трети населения (29%). Каждый третий (37%) свое несогласие терпеть дальнейшее снижение уровня жизни объяснил неверием в успешность реформ, каждый пятый (21%) — тем фактом, что уровень его жизни “уже сейчас невыносим”.

Главные препятствия на пути реформирования страны. Что же в первую очередь тормозит проведение реформ? Безусловно, внутренние факторы. В субъективном измерении это — отсутствие в высших эшелонах власти искренне преданных украинскому народу и профессионально подготовленных лидеров, в институциональном — олигархическая суть господствующего социально-экономического строя. За четверть века рыночные трансформации привели к значительной потере национального богатства страны, деиндустриализации экономики, дестабилизации и кризису финансовой системы, девальвации ценности человеческой жизни и значительному ухудшению состояния человеческого потенциала.

Полностью согласна с мнением В. Степаненко о том, что общество не меньше, чем представители власти, ответственно за такие результаты. Люди должны не только осознать это, но и научиться использовать и реализовывать свои гражданские права и обязанности, бороться за выбор лучшей судьбы. Неудовлетворительные показатели социально-экономической ситуации за весьма продолжительное время выглядят парадоксально на фоне имеющегося в Украине значительного трудового, научного и природно-ресурсного потенциала, который, по-видимому, может быть реализован в иной, адекватной ему институциональной модели хозяйствования. Задачей же социологов остается постоянная научная рефлексия эффективности осуществляемых реформ, как узко секторальных, так и общесистемных, которые охватывают все украинское общество, и поиск единственно правильного пути развития.

ВИКТОРИЯ СМАКОТА, кандидат социологических наук, научный сотрудник
отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Оценка результатов экономических реформ населением Украины

Наиболее очевидным итогом начатых четверть века назад в Украине экономических реформ следует назвать растущее разочарование большинства населения в их дальнейшей целесообразности для страны и общества. Отрицательную оценку результатам реформирования экономики однозначно дает как население страны, так и научное сообщество. При этом и те, и другие отмечают, что негативные явления, продолжающиеся длительное время в украинской экономике, в последние несколько лет многократно усиливаются. Наиболее деструктивной тенденцией признается усугубление экономического неравенства в обществе, влекущее за собой кризисные изменения в других областях общественной жизни¹.

Результаты мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины демонстрируют, что изначально позитивное отношение населения к процессу либерализации в экономике, фиксируемое в начале 1990-х, сравнительно быстро сменилось устойчиво негативным, и данная тенденция продолжает доминировать до сегодняшнего дня. (Стабильно негативное отношение к приватизации крупных предприятий, высказываемое большинством опрошенных, фиксируется начиная с 1998 года. Приватизация малых предприятий не породила такого уровня общественного несогласия вплоть до этого года, когда было зафиксировано максимально негативное отношение как к приватизации этого типа предприятий, так и к передаче в частную собственность земли).

Данные, полученные по результатам мониторингового исследования 2016 года, демонстрируют максимально негативную оценку украинским населением экономической ситуации в стране за последние 16 лет (2,1 балла по 10-балльной шкале). Критически минимальная оценка экономической ситуации является результатом общего падения уровня и качества жизни населения: так, практически все опрошенные в этом году (93,8%) испытывали недостаток обеспечения надлежащего уровня жизни граждан в украинском обществе. Достаточно четко в общественном мнении вырисовываются тенденции роста неудовлетворенности материальным и социальным положением, ухудшения качества жизни и отсутствия уверенности на улучшение ситуации в стране в ближайшей перспективе.

Особенно заметным становится недовольство опрошенных своим материальным положением за два последних года: в 1,6 раза увеличилось количество респондентов, которые указывают на радикальное ухудшение материального положения своей семьи (в 2014-м семейное материальное положение значительно ухудшилось у 27,6% опрошенных; в 2016-м их количество выросло до 47,0%, причем происходил этот процесс за счет более благополучных слоев населения). В целом же 79,1% респондентов в этом году говорили об ухудшении материального положения своей семьи; двумя годами ранее согласных с таким утверждением было 59,6%. Значительно (в два раза) уменьшилось количество тех, кто характеризует материальное положение своей семьи как более или менее стабильное ("оставались такими же материальные условия семьи" у 34,9% респондентов в 2014-м и у 17,6% респондентов в 2016 году).

Кроме того, по оценкам граждан, возрастает социально-экономическая уязвимость в случае потери источника дохода, что свидетельствует об усугублении социальной незащищенности значительной части населения в стране. По сравнению с прошлым годом сократилось количество семей, имеющих сбережения больше чем на

¹ Геец В.М. Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины // Экономика Украины. — 2016. — №12. — С. 3–22 (Economica_Ukr_12_2016_RUS.p 65.pdf).

месяц, на случай потери основного источника дохода (количество тех, кому хватит сбережений не более чем на месяц, выросло с 38,6% в 2015-м до 45,1% в 2016 году).

Ситуация массового обнищания, когда на “дне” социальной пирамиды оказывается большинство населения страны, наряду с демографическими проблемами (беспрецедентное снижение уровня рождаемости), ростом уровня безработицы и обусловленным этим увеличением трудовой миграции среди украинской молодежи (из которой практически треть, по данным МОМ, не планирует возвращаться на Родину¹) — все это говорит не просто о неэффективности проводимых экономических реформ, но о серьезном вреде их для социального устройства и будущего государства.

НАТАЛЬЯ ТОЛСТЫХ, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Реформирование экономики: готово ли население Украины терпеть ухудшение благосостояния?

Реформами в научных кругах обычно называют определенные стратегической программой целенаправленные действия правительства, способствующие созданию таких новых условий развития экономики, которые ведут к повышению ее эффективности и росту благосостояния населения. Но сами реформы сопровождаются ростом нестабильности в обществе, а часто — снижением благосостояния, потому что они осуществляются путем разрушения или коренного изменения требующих обновления экономических институтов. Поскольку реформы являются болезненным для общества процессом, они должны происходить как можно быстрее.

Экономические реформы в Украине, длящиеся уже более двадцати лет, оказались неудачными. За это время не был восстановлен валовой внутренний продукт в дореформенном размере, а его незначительный рост в отдельные годы имел волнообразный характер, поскольку основывался преимущественно на выигрышной конъюнктуре на сырьевые товары, преобладающие в экспорте украинской экономики, на мировых рынках. Не была осуществлена модернизация производства, в том числе и промышленного, а следовательно, не было создано условий для стабильного долгосрочного социально-экономического развития страны. В социальной сфере не удалось преодолеть массовую безработицу и малообеспеченность населения, которые приобрели хроническую форму. Большинство населения, ежедневно сталкивается с трудностями выживания и ожидает хоть какого-то улучшения в экономике. Эти угрожающие явления еще больше обострились вследствие влияния глобального экономического кризиса и сложной политической ситуации, которую переживает сейчас Украина.

По данным опроса, проведенного в 2016 году Институтом социологии НАН Украины (см.: Українське суспільство: моніторинг соціальних змін — 2016), на вопрос о том, согласны ли они и дальше терпеть ухудшение уровня жизни, если это необходимо для проведения реформ, утвердительно ответил только каждый третий (33,2%) опрошенный: 28,8% готовы терпеть, но недолго и только 4,4% — столько, сколько нужно. Низкий уровень жизни уже на момент опроса не дает возможности 21,4% респондентов и дальше сокращать потребление товаров и услуг, даже если этого требуют реформы. И еще 37,2% респондентов отказывались приносить собственное благосостояние в жертву реформам, поскольку не верили в их успешность.

¹ Миграция как фактор развития в Украине. Исследование финансовых поступлений, связанных с миграцией, и их влияние на развитие в Украине. Международная организация по миграции (МОМ). Представительство в Украине (mom_migraciya_yak_chynnyk_rozvytku_v_ukrayini.pdf).

Невысокий уровень поддержки экономических реформ объясняется тем, что они противоречат интересам большинства населения. Будучи неолиберальными по своей сущности, экономические изменения в украинском обществе свелись к приватизации собственности на средства производства незначительным слоем общества и сокращению участия государства в сфере социальной защиты своих граждан. Население Украины, как свидетельствуют результаты опросов, ожидает от экономических реформ прямо противоположных результатов.

Для покрытия дефицита бюджета государство планирует передать в частную собственность значительную часть еще остающихся в государственной собственности предприятий, в том числе и предприятия стратегического значения. Это вряд ли найдет понимание у населения. В 2016 году приватизацию крупных предприятий воспринимали положительно 13,8%, отрицательно — впятеро больше — 62,3% — опрошенных. К приватизации земли относились положительно 16,7%, отрицательно — 58,9%. Почти половина респондентов — 46,9% — отрицательно воспринимали приватизацию и крупных предприятий, и земли.

С необходимостью минимизации роли государства в управлении экономикой соглашались 11,5% опрошенных. Вдвое больше (25,8%) респондентов считали, что следует вернуться к плановой экономике на основе полного государственного учета и контроля. Больше всего сторонников оказалось у соединения государственного регулирования и рыночных методов в управлении экономикой, численность этой группы достигала половины (51,4%) опрошенных. Схожим образом 57,5% отмечали, что уровень жизни всех граждан должен быть гарантирован совместными усилиями государства и самих граждан. С мнением о том, что заботу о благосостоянии всех граждан следует возложить преимущественно на плечи государства, согласны 25,7% респондентов. Сравнительно меньше (13,3%) было поддерживающих отказ государства от обеспечения всеобщих социальных гарантий, кроме предоставления помощи нетрудоспособным гражданам, и сторонники этой альтернативы оказались самыми малочисленными.

Противники приватизации крупных предприятий и земли и сторонники активной роли государства в социально-экономическом развитии страны численно преобладали как среди респондентов, которые были готовы и далее затягивать пояса в ожидании успешных реформ, так и среди тех, кто не был согласен на это. Так, отрицательное отношение к приватизации крупных предприятий прослеживалось в ответах 66,1% готовых и 66,0% не готовых и дальше терпеть снижение уровня жизни респондентов. Против приватизации земли в этих подгруппах высказывались 54,6% и 63,3% респондентов соответственно. Считали, что в управлении экономикой следует соединять методы государственного регулирования и рыночные методы, половина как готовых (53,1%), так и не готовых и дальше жертвовать собственным благосостоянием в угоду реформам (51,6%). Среди тех, кто по той или иной причине не был готов и далее терпеть снижение уровня жизни, доля сторонников возврата к плановой экономике на основе полного государственного учета и контроля составляла 27,7%, а тех, кто считал необходимым минимизацию государственного участия в управлении экономикой, было 9,3%. В подгруппе респондентов, готовых и далее терпеть снижение уровня жизни вследствие реформ, это соотношение оказалось менее контрастным (23,2% и 15,0% респондентов соответственно), однако и тут было больше сторонников усиления регулирующей роли государства в управлении экономикой. Так же половина и согласных, и не согласных на снижение уровня жизни в пользу реформ (62,8% и 56,1% респондентов соответственно) отмечали, что собственные усилия граждан, направленные на обеспечение им достойного уровня жизни, должны быть дополнены государственной поддержкой. Однако среди респондентов, готовых к дальнейшему ухудшению условий существования из-за реформ, доля тех, кто считал, что граждане, кроме нетрудоспособных, должны сами обеспечивать себе достойную жизнь (17,0%), была такой же, как и доля тех, кто воз-

лагал эту задачу в основном на государство (18,0%). В подгруппе не готовых по той или иной причине к снижению уровня жизни, было больше респондентов, считающих государство ответственным за благосостояние членов общества (29,8%), чем респондентов, которые признавали эту ответственность за самими гражданами (10,8%).

Необходим выбор Украиной стратегии социально-экономического развития. Основной движущей силой реформирования экономики должна стать творческая инициатива граждан, однако она не может реализоваться без социальной поддержки государства. Экономикой страны сейчас не используется богатый творческий потенциал ее граждан. На момент проведения опроса, в июле 2016 года уровень зарегистрированной безработицы составил 1,4% населения трудоспособного возраста, но реальная безработица значительно масштабней. Зарегистрированная безработица составляет 20,9% всех безработных, определенных по методологии МОТ¹. Экономическое развитие невозможно без демократических изменений, которые предполагают участие всех граждан в общественной и экономической жизни общества. Но и демократические изменения будут носить лишь декларативный характер, если не будут сопровождаться повышением благосостояния всех граждан и снижением степени социально-экономического неравенства посредством государственной политики перераспределения доходов. Будущие реформы могут быть успешными только в том случае, если они будут системными, а их цели будут разделяться обществом и отвечать интересам всех граждан.

ВИТАЛИНА БУТКАЛЮК, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Влияние деиндустриализации на положение рабочих Украины

Ключевыми идеями нелиберального реформирования экономики Украины стали идеи Чикагской школы во главе с известным теоретиком нелиберализма М.Фридманом. Согласно главным постулатам данной парадигмы, государство должно минимизировать свое вмешательство в экономику и действовать в рамках триединой формулы: “дерегуляция — приватизация — снижение социальных расходов”². На словах целью рыночного трансформирования постсоветских экономик было повышение их эффективности. В действительности капиталистическая реформация привела к деиндустриализации народного хозяйства практически во всех бывших странах СССР, что отвечало интересам зарубежных ТНК, направленным на устранение потенциальных конкурентов в “новых рыночных демократиях”.

Процесс деиндустриализации стал наиболее разрушительной составляющей всех рыночных преобразований и причиной коренной ломки структуры украинской экономики и общества. Уменьшение доли промышленности в структуре экономики повлекло за собой не только ухудшение благосостояния рабочих семей, но негативно отразилось на благополучии всех граждан, привело к снижению уровня и качества жизни подавляющего большинства населения страны, принесло фантастическое обогащение ограниченному числу собственников, “прихватизировавших” общенародные достояния. В результате приватизации и маркетинга народного хозяйства страны Украина вместо повышения его эффективности, обещанного западными “архитекторами” нелиберальных реформ, получила тотальную примити-

¹ Економіка України за січень–липень 2016 року // Урядовий кур’єр. — 2016. — № 172 (5792). — С. 7.

² См.: Кляйн Н. Доктрина шока. Становление капитализма катастроф (<http://ihavebook.org/books/18649/doktrina-shoka.html>).

визацию экономики, огромную внешнюю задолженность государства, массовую бедность населения и колоссальное имущественное расслоение общества.

Переход к рынку оказал крайне негативное воздействие на социально-экономическое положение рабочего класса. В итоге деиндустриализации миллионы рабочих, техников и инженеров стали жертвами массовой хронической безработицы, были вынуждены соглашаться с новыми формами временной, частичной и иной нестандартной занятости, зачастую с мизерными заработками и опасными условиями труда.

На наш взгляд, особый интерес представляют результаты социологических опросов, дающие возможность сделать более комплексный анализ уровня и качества жизни человека, в нашем случае — представителей рабочих профессий. По данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины летом 2016 года, наибольшая доля (54%) опрошенных рабочих (для анализа нами отобраны только представители рабочего класса, 75% из которых — квалифицированные рабочие, 25% — разнорабочие, подсобные работники, $n = 367$) охарактеризовали материальное положение своей семьи как среднее, в то же время бедными свои семьи считали 43% рабочих, нищими — 3%.

При этом почти половина рабочих (45%) признались, что их семьи тратят все имеющиеся средства на продукты питания. И всего 1% рабочих семей в Украине имеет возможность делать сбережения.

Каждому третьему работнику в Украине не хватает возможности покупать самые необходимые продукты (33%) и необходимую одежду (29%). Подходящей работы не хватает половине респондентов (50%). Почти такая же доля ответивших (47%) указала, что им не хватает необходимой медицинской помощи. Что касается удовлетворения потребностей в воспроизводстве рабочей силы, то они недоступны большинству украинских рабочих — 71% опрошенных рабочих отметили, что им не хватает возможности полноценно проводить отпуск, полноценного досуга не хватает 61% опрошенных.

Рабочие отмечают имеющуюся в Украине проблему с поиском работы и наличием работы по месту жительства, что вынуждает их искать рабочие места в других населенных пунктах или даже областях с целью получения хоть каких-то источников выживания. Так, подавляющее большинство опрошенных рабочих отметили, что в их населенном пункте трудно найти работу в соответствии с их квалификацией и с достаточным заработком (86%), большинство рабочих (64%) считают, что в их населенном пункте трудно найти и такую работу, которая бы отвечала их квалификации, но без достаточного заработка. Более того, большинство респондентов-работников (58%) отметили, что в их населенном пункте трудно найти вообще любую работу. В результате для нашей страны характерна высокая внутренняя и внешняя трудовая миграция. Каждый пятый украинский рабочий (20%) указал, что работает в другом населенном пункте (80% из этого числа — в другом городе, 20% — в другом сельском населенном пункте). Каждый седьмой рабочий (15%) признался, что намерен поехать за границу на временные заработки в ближайший год. Половина опрошенных работников (53%) заявили, что имеют опыт временной работы за границей.

При достаточно тяжелом социально-экономическом положении украинские рабочие в последнее время еще сильнее испытывают снижение уровня жизни и ухудшение общего благосостояния. Подавляющее большинство респондентов-рабочих (80%) указали на ухудшение материальных условий жизни семьи за последний год, 60% — на ухудшение медицинского обслуживания, 65% — гарантий занятости и обеспечения работой, более половины (55%) — на уменьшение защищенности от произвола власти и должностных лиц.

Данные социологических опросов свидетельствуют о крайне низком уровне и качестве жизни украинских рабочих в результате проводимого на протяжении более 25 лет нелиберального реформирования и деиндустриализации в стране. Более

того, в Украине имеет место ухудшение благосостояния трудящихся слоев (в результате реализации нелиберальных установок под руководством МВФ и ВБ, разрыва экономических связей с РФ и крайнего обострения экономической и военно-политической ситуации в стране). Все это свидетельствует о необходимости отказа от рыночного фундаментализма, достижения мира на юго-востоке страны и поиска новых путей экономического развития в интересах всего населения Украины.

НАТАЛИЯ БОЙКО, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Э-реформирование — положительный толчок к преобразованиям общества

Хотелось бы добавить немного оптимизма и остановиться на рассмотрении вопросов реформирования в контексте реализации процессов дигитализации общества. Процессы современного развития общества с применением информационно-коммуникационных технологий в государственном, общественном, экономическом, культурном, образовательном пространстве — это довольно новое глобальное явление, если учесть относительно молодой возраст современных ИКТ. И в первую очередь эти процессы связаны с возможностями использования интернета. Отмечу, что — по результатам исследования ИС НАНУ 2016 года, пользователями всемирной сети признают себя 72,2% украинцев. Сегодня активно пользуются интернетом как молодежь, так и люди среднего возраста, возрастает и группа пожилых украинцев, которые приобщаются к преимуществам всемирной сети: среди молодежи в возрасте до 25 лет признают, что пользуются интернетом 96,6%, среди людей в возрасте от 26 до 35 лет — 92,7%, от 36 до 45 лет — 88,6%, от 46 до 55 лет — 75,6%, 56 лет — 68,9%. Фиксируется уверенный рост количества интернет-пользователей не только в столице и крупных городах, но и в небольших городах и в сельской местности: 85,7% пользователей среди киевлян, 77,7% — среди жителей крупных городов, 71,3% — среди жителей небольших городов и 65,8% — среди сельских жителей. Региональное распределение интернет-пользователей сегодня таково: центральный регион — 70,9%, южный — 77,7%, западный — 69%, восточный — 74%.

Рост уровня проникновения ИКТ в повседневную жизнь и профессиональную деятельность граждан делает эти технологии ныне одним из наиболее перспективных механизмов эффективного реформирования общества. Именно неслыханное распространение и популярность интернета сделали возможным появление таких новых явлений, как е-управление, развитие системы предоставления электронных услуг, международной инициативы “Партнерство “Открытое Правительство””, внедрение системы “ProZorro”, е-декларирование и т.п. Е-реформирование призвано содействовать глобальному реинжинирингу отношений государства с гражданами с целью упрощения этих взаимоотношений, экономии времени и минимизации субъектной коррупционной составляющей путем максимального внедрения такого электронного взаимодействия. Такого рода процессы вовлечения ИКТ в деятельность государственных и общественных структур активно развиваются во всем мире и дают возможность демократизировать, совершенствовать и улучшать различные ракурсы отношений государства и граждан, эффективно минимизировать коррупционные риски этого взаимодействия. Происходят ли эти процессы в нашей стране? Конечно, да. Эффективны ли они и насколько повсеместно распространены? Конечно, нет. А являются ли эти процессы общественного реформирования более успешными, чем реформирование в иных сферах? Конечно, да. С чем это связано? На мой взгляд, позитивная динамика е-реформирования объясняется целым рядом факторов. Во-первых, это довольно новое явление, поэтому дигитальная среда физически (по времени) не смогла нарастить те коррупционные пути, которые, по мнению моих коллег, и есть главным бременем, делающим невозможным эффек-

тивное реформирование. Во-вторых, вовлечение и использование ИТ-технологий требует значительных профессиональных знаний и навыков, понимания принципов и алгоритмов функционирования такой системы, что ощутимо уменьшает возможность “эффективного корыстного вмешательства” различного рода популистов, непрофессионалов и т.п. В-третьих, молодой возраст ИКТ обуславливает и относительно молодой возраст специалистов, работающих в этой сфере. Это возраст активности, желания изменений и совершенствований. Позитивной особенностью данного реформирования является и то, что осуществлять его можно лишь в тесном сотрудничестве с ИТ-специалистами (айтишниками), которые во все времена своего существования не отличались бюрократическими, чиновничьими чертами и склонностями, скорее — наоборот.

Достаточно ли только этих позитивных факторов для успешного реформирования общества? Пожалуй, нет. И об этом свидетельствует большое количество нареканий е-реформаторов на сопротивление системы — нежелание тех или других министерств и ведомств открывать списки и реестры граждан для внедрения их в электронном формате, отсутствие соответствующей законодательной базы ради реализации таких реформ. Например, зампред Государственного агентства по вопросам электронного управления отмечает, что “по каждой из услуг, по которой мы сокращаем пакет документов и сроки предоставления, нужно инициировать, как минимум, один закон, одно постановление Кабмина, один ведомственный приказ. Сегодня мы уже реализовали несколько пилотных проектов и понимаем, что без такого базового документа, который бы обязывал органы власти осуществлять это четко и в определенном формате, возникает множество проблем. Был случай, когда мы простую услугу запускали больше года, и не только потому, что не было политической воли, а потому, что это было чем-то новым, многие юристы не понимали, можно ли так делать, и изменения занимали очень много времени”.

Существуют и другие проблемы реализации э-реформирования. Так, сейчас разгорелась дискуссия по поводу эффективности реализации внедренной электронной тендерной системы “ProZoggo”. Звучат мнения, что эта система, как и внедрение “е-декларирования” — удачный инструмент манипулирования сознанием, якобы: “Да, реформы идут!”, “Из бюджета воруют по-прежнему и еще больше, а возмущенным рты этой самой *прозорой* затыкают. Мол, вот — реформы у нас ...енные. Чего вы еще хотите?”, “Ну, заполнили чиновники е-декларации. И что?” — эмоционально реагируют социальные сети.

Действительно, сегодня существует множество недостатков в проведении электронных торгов, на чем делают акцент специалисты. Система требует внедрения дополнительных механизмов контроля и противодействия недоброкачественному участию в торгах. Однако это никоим образом не отрицает главного — е-реформирование в целом и тендерная система “ProZoggo” в частности — это механизмы, которые выводят действия акторов в публичную плоскость, делают их прозрачными и легко достижимыми как для сообщества, так и для контролирующих органов.

Кроме того, есть мнение, что определенные шаги по е-реформированию для обедневшего населения неактуальны сегодня, как говорится, — не ко времени. Так, недавно Верховная Рада приняла законопроект 4121 об е-билете (электронном билете). Его активно лоббировало ИТ-сообщество в социальных сетях под лозунгом: “Давайте на деле бороться с коррупцией и реально упрощать жизнь!!!” Активная агитация в пользу законопроекта в ФБ-постах известной как е-реформатор Jaanika Merilo и в комментариях депутатов (типа: “Важно, чтобы парламент завтра нас поддержал. Миллиарды инвестиций ждут 226 голосов!”) кое-где наталкивалась на единичные комментарии чиновников небольших городов: “Скажите, а что будет после принятия закона? Все горсоветы будут обязаны установить систему у себя в городе?”, а также комментарии обедневших украинцев: “Лучше бы монетизировали льготы за проезд для пенсионеров и других категорий. Пенсионеры из сел и неболь-

ших городков и так в подавляющем большинстве теми льготами не пользуются. Если выделить 16–20 грн в день, то 480–600 грн в месяц и с индексацией для тех, у кого пенсия 1100 грн, станут достаточно весомым аргументом в пользу монетизации. И это уже дело личное, как кто будет использовать эти средства... Существующая система возмещения льгот коррупционная!” Однако ответов на эти комментарии от команды е-реформаторов не последовало.

Конечно, е-реформирование — это сложное общественное действие, которое не может происходить за рамками того общества, которого оно касается. Ему присущи те же недостатки, что и всему обществу. Но это уже несколько иной ракурс проблемы. Я все же хотела бы подчеркнуть тот момент, что теоретически е-реформирование — это новое, современное оружие на пути преодоления коррупционных рисков общества, это механизм улучшения эффективности реформирования, свежее дыхание, способное наполнить реформы новым живительным содержанием. И в первую очередь это обусловлено их главной особенностью — способностью уменьшать непосредственное влияние субъектного фактора в электронном взаимодействии между чиновником и гражданином. Однако мы видим, что, к сожалению, эффективное е-реформирование невозможно без системного реформирования всего общества. И, как отмечают сами специалисты в области е-реформирования, без политической воли власти, без качественной законодательной и исполнительной базы, на одном только голом энтузиазме волонтеров (в том числе волонтеров от IT), такие реформы невозможны.

ОЛЬГА МАКСИМЕНКО, ведущий социолог отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины

Поместная церковь в Украине

С завоеванием Украиной независимости роль религии в жизни как рядовых граждан, так и общества в целом заметно изменилась. Это нашло отражение и в государственной политике. Был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с религиозной жизнью граждан: Закон Украины “О свободе совести и религиозных организациях” (23.04.1991), Указ Президента Украины “О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества” (04.03.1992), Указ Президента Украины “О Положении о Государственном комитете Украины по делам религий” (14.11.2000), Указ Президента Украины “О неотложных мерах по окончательному преодолению негативных последствий тоталитарной политики бывшего Союза ССР в отношении религии и восстановлении нарушенных прав церквей и религиозных организаций” (21.03.2002), Закон Украины “О внесении изменений в некоторые законы Украины по учреждению религиозными организациями учебных заведений” (02.07.2015) и др. Последний предоставляет право религиозным организациям быть основателями не только духовных, но и светских учебных заведений разного уровня (высших, профессионально-технических, общеобразовательных и дошкольных), обеспечивая верующим родителям возможность воспитывать детей в соответствии со своими религиозными убеждениями.

Сегодня в Украине насчитывается свыше 35 тыс. религиозных организаций¹, которые представляют около 50 религиозных конфессий. Это, в частности, Украинская автокефальная православная церковь, Украинская православная церковь Киевского патриархата, Украинская лютеранская церковь, Союз свободных церквей христиан евангельской веры, Духовный центр “Возрождение”, независимые пра-

¹ См.: “Звіт про мережу релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2016 року (Форма № 1)” (Затверджений наказом Міністерства культури України від 31 березня 2016 року № 184).

вославные общины, Всеукраинский конгресс иудейских религиозных организаций, Духовное управление мусульман Украины, Духовное управление буддистов Украины, Объединение единоверов Украины и др. Но несмотря на такую конфессиональную пестроту, большинство украинцев считают себя православными христианами, что подтверждается данными социологических исследований. Согласно результатам опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии в мае 2016 года, 69,7% украинцев отнесли себя к православным, при этом 48,7% отметили свою принадлежность к УПЦ Киевского патриархата.

Украинскому обществу присущ высокий уровень декларируемой религиозности. Верующими себя называют 70% граждан (как свидетельствуют данные опроса Центра Разумкова за март 2016 года). Атеисты составляют всего 9%. Остальные респонденты либо колеблются между верой и неверием, либо не определились с ответом. Но таких сравнительно немного.

Достаточно высокий процент верующих в Украине сочетается со стабильно высоким уровнем доверия к церкви как социальному институту. По данным опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии в декабре 2015 года, полностью доверяли церкви 58,8% украинцев (тогда как Президенту доверяли всего 16,8%, правительству — 8,7%, общественным организациям — 34,5%, отечественным СМИ — 32,3% граждан).

Однако церковь в Украине не только авторитетный социальный институт, но и весьма проблемный. Прежде всего — из-за разобщенности православия, точнее, из-за продолжительного конфликта между УПЦ Киевского и УПЦ Московского патриархата, и этот конфликт теперь явно перешел в политическую плоскость и еще больше заострился в связи с аннексией Крыма и военными действиями на Донбассе. Как отметил протоиерей Виталий Эйсмонт (Свято-Покровский кафедральный собор, г. Ривне), нынешняя церковная ситуация очень похожа на ту, от которой нас предостерегал еще апостол Павел, когда говорил об общинах, которые разделялись между собой. Поэтому апостол и наставлял, “чтобы не было меж вами деления, но чтобы были вы объединены в одном понимании и в одной мысли” (Первое послание св. апостола Павла коринфянам, 1:10).

Идея создания единой Поместной церкви (которая бы объединила епархии и общины УПЦ Московского патриархата, УПЦ Киевского патриархата и Украинскую автокефальную православную церковь) имеет много сторонников. Согласно результатам исследования под названием “Религиозная жизнь в Украине”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в сентябре 2016 года, более трети (35,7%) украинцев уверены, что стране нужна единая Поместная православная церковь. Но какой она должна быть? И возможно ли бесконфликтное объединение церквей Киевского и Московского патриархатов?

Безусловно, преодолеть раскол между этими двумя церквями будет чрезвычайно сложно. Но это необходимый шаг. Это путь к дальнейшей интеграции и духовной Реформации украинского общества.

ИРИНА БЕКЕШКИНА, кандидат философских наук, сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, директор Фонда “Демократические инициативы” им. Илька Кучерива

Реформы и социология

Уже третий год подряд Украина пытается провести крайне необходимые для развития страны реформы. Определенные успехи есть, но в целом позитивов значительно меньше, чем ожиданий в обществе после Революции Достоинства. Разумеется, существуют и серьезные объективные причины торможения реформ — война на Донбассе, полтора миллиона вынужденных переселенцев, остатки олигархичес-

ки-клановой экономики и коррупционная система управления, отчаянно сопротивляющиеся переменам.

Но есть и субъективные причины недостаточного темпа реформ. Разумеется, успешность реализации реформ невозможна без поддержки их гражданами, без понимания в обществе их необходимости, перспектив и последствий. Тем более это справедливо для тех исключительных обстоятельств, в которых приходится действовать реформаторам в Украине — в условиях войны и всеохватывающего экономического и политического кризиса. В то же время многочисленные дискуссии экономистов порой создают впечатление, что реформы происходят в безлюдном пространстве, где есть цифры, проценты, капиталы, продукция, но отсутствуют люди с их потребностями, интересами, надеждами и предубеждениями.

В целом в оценке реформ в Украине четко просматривается различие между экспертной средой и населением: с одной стороны, отечественные и иностранные эксперты фиксируют немало позитивных результатов (внедрение системы публичных закупок “ProZorro”, электронное декларирование доходов и имущества чиновников, создание новых антикоррупционных органов, децентрализация и т.п.). С другой стороны, население крайне негативно оценивает состояние реформ, не усматривая позитивов. В опросе, проведенном Центром Разумкова в мае 2015 года, средние оценки населением хода реформ в большинстве сфер жизнедеятельности общества находились в диапазоне от 2 до 3 баллов по десятибалльной шкале. В опросе Фонда “Демократические инициативы”, проведенном в июне 2015 года, почти половина украинцев (48%) ответили, что никакого прогресса в осуществлении реформ нет вообще, каждый четвертый респондент полагал, что сделано примерно 10% того, что следовало сделать, каждый десятый — что сделано не более трети, и лишь 3% опрошенных считали, что больше, но не более половины. Доля тех, кто думает, что властью уже сделано более половины из запланированных реформ, едва достигла 0,6%.

Такой пессимизм весьма опасен. Украина — не Сингапур, здесь невозможно продвигать реформы авторитарными методами. Отсутствие поддержки реформ со стороны большинства населения приведет к тому, что на следующих выборах реформаторов устранят от власти и руководящие должности окажутся в руках популистов. Что эта опасность вполне реальна, свидетельствуют результаты последних социологических исследований: с одной стороны, население ужасается повышению тарифов и цен и не видит положительных перспектив реформ, с другой — растут рейтинги политических сил, спекулирующих на лозунгах популизма.

Конечно же, любая реформа должна опираться на знание и понимание “человеческого материала”, являющегося средой, в которой осуществляются реформы, и может быть либо их движущей силой, либо тормозом. Иначе даже самые лучшие программы преобразований будут наталкиваться на непроходимую стену непонимания и неприятия.

А объективное знание об обществе может дать только социология — профессиональные исследования общественного мнения — интересов, потребностей, ожиданий, надежд и опасений, предубеждений и стереотипов.

Социология может и должна осуществлять целый ряд функций в процессах формирования общества, начиная еще с этапа подготовки реформы вплоть до завершающего этапа, тщательно измеряя последствия реализации реформы в обществе.

Для успешной реализации реформ с самого начала должно быть просчитано восприятие каждой реформы разными социальными группами, в первую очередь теми, кто непосредственно выиграет или проиграет от ее реализации. Очень важно также выяснить, какие предубеждения и стереотипы мешают адекватному пониманию реформ.

Иногда важные и необходимые обществу реформы не осуществляются именно из-за опасения, что общество их не воспримет. В качестве примера можно привести земельную реформу, которая уже много лет откладывается, поскольку обществен-

ное мнение негативно настроено в отношении перспективы продажи земли. Однако социологи должны пойти дальше констатации этого факта и выявить причины такого негативизма.

После этого должен начаться очень важный в демократическом обществе процесс коммуникации власти и общества, в котором должны участвовать и социологи как специалисты, лучше других знающие общество. В целом коммуникация с обществом является одним из наиболее слабых звеньев в работе нынешней украинской власти (как, впрочем, и всех ее предшественников). Проведенный в мае 2016 года Фондом “Демократические инициативы” общенациональный опрос показал, что только 5% украинцев полностью удовлетворены состоянием информирования правительством общества о своей работе. Очевидно, что об этих фактах должны сообщать властям именно социологи.

Важным компонентом профессиональной работы социолога должна быть коммуникация с обществом через СМИ. К сожалению, социологи — не частые гости на телеэкранах (за исключением нескольких человек). Но, как известно, “свято место пусто не бывает”, и вместо профессионалов мы видим так называемых экспертов, далеких от науки.

Наконец, важным делом социологии и социологов является отстаивание положительных реформ. Внедрение внешнего независимого оценивания при вступлении в вузы было, пожалуй, наиболее успешной реформой в Украине, позволившей сократить коррупционные схемы в сфере образования и открывшей путь в лучшие вузы талантливой молодежи. Однако эту реформу время от времени пытаются если не совсем отменить, то ограничить, добавив к ВНО вступительные экзамены, собеседования и т.п. И именно социологические исследования, фиксирующие позитивное отношение к этой реформе, причем со стороны избирателей всех политических сил, не позволили свернуть эту реформу — учитывая возможные негативные электоральные последствия.

Итак, очевидно, что исследование общества должно органически вписаться в повестку дня осуществления реформ. Сейчас этим делом занимаются в основном негосударственные аналитические центры, преимущественно при финансировании международных доноров. По сравнению с академическими учреждениями эти центры более оперативны, нацелены на выполнение конкретных практических задач в максимально сжатые сроки. Но и научные академические учреждения имеют свои преимущества: фундаментальность подхода и более широкий охват проблемы, направленность не на решение одной конкретной проблемы, а на возможность выработки системных преобразований.

Подводя итоги, нужно признать, что академическим социологам следует активнее включаться в дело реформирования общества, используя весь опыт социологической науки.